

УДК 17.023.34 + 316.6 + 159.922

Л. В. Карапетян

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Исследуются теоретические подходы к понятию благополучия как актуальной проблеме здоровья души человека в проблемном поле социально-психологических научных дисциплин, а также с позиций обыденного сознания людей. Этот многофакторный конструкт раскрывается посредством подробного проблемно-хронологического описания данного феномена, детального этимологического разбора понятия, с опорой на идеи классических и современных психологических теорий (Л. С. Выготский, К. Роджерс, Э. Эриксон, А. Уотерман, Э. Динер, С. Рифф, Б. Сингер).

Ключевые слова: субъективное и психологическое благополучие личности; удовлетворенность жизнью; счастье; профилактика депрессивных состояний; социум; смысложизненные ориентации.

Социокультурные трансформации последних столетий оказали огромное влияние на процесс формирования общественного сознания, что повлекло за собой изменение соотношения ценностных ориентиров и установок отдельно взятых индивидов и повлияло на понимание такой категории, как «благополучие личности», что, в свою очередь, напрямую связано с проблемой эмоционального здоровья человека.

В настоящее время вопросы эмоционального благополучия человека, методов профилактики массовых депрессивных состояний населения привлекают все больше внимания и выходят на государственный уровень. Социальная и экономическая нестабильность поставила под угрозу психическое и эмоциональное здоровье граждан нашей страны, и на этом основании многие специалисты оценивают положение большинства населения как критическое.

КАРАПЕТЯН Лариса Владимировна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, начальник Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России (e-mail: karapetyanl@mail.ru).

© Карапетян Л. В., 2014

В соответствии с различными психолого-социальными концепциями благополучие личности связано со сложными переживаниями индивидом собственной жизни на основе сравнения актуальных или потенциальных ее аспектов с эталонами, нормами, отраженными в сознании человека на уровне некоего варианта самооценки, обусловленного социокультурной спецификой усвоения им существующих в социуме и культуре представлений (Н. Бредберн, Э. Динер, А. С. Вотерман, А. А. Кроник, К. Рифф, П. П. Фесенко, А. В. Воронина, Т. Д. Шевеленкова, Р. М. Райан, Э. Л. Дисси, Р. А. Ахмеров и др.).

Изучение проблемы субъективного благополучия уходит корнями в философию, психологию, социологию и другие науки. Трактовки понятия «благополучие» в значительной степени аналогичны в науках и обыденном сознании людей. Благополучие представляют как многофакторный конструкт, характеризующийся сложной взаимосвязью социальных, культурных, экономических, психологических, физических и духовных факторов.

События, произошедшие за предыдущие столетия в социальной сфере, культуре, политике, показали, что человек, сталкиваясь с природными и социальными явлениями, причиной разрушительности которых зачастую является он сам, все чаще встает перед вопросом о соответствии его представлений об «идеальном» — «идеальное психологическое благополучие» — и реально переживаемом состоянии — «актуальное психологическое благополучие».

Изучением субъективного благополучия западная психология стала заниматься в 60-е гг. XX в. За это время сложилась традиция, на основании которой психологическое благополучие рассматривалось через противопоставление психологическому нездоровью и неблагополучию. В то же время следует отметить, что на рубеже XX–XXI вв. активно формировалось мнение, утверждавшее недостаточность медицинской модели психологического благополучия.

Субъективное ощущение счастья и общая удовлетворенность жизнью выступают в психологии как тождественные понятию «психологическое благополучие». На формирование данного представления существенно повлияло развитие экзистенциально-феноменологического подхода в изучении проблемы личности. Существовавшая прежде в психологии дихотомия «здоровье — болезнь», а также актуализация исследований в сфере позитивных аспектов функционирования личности расширили рамки изучения психологического благополучия, повлияли на поиск его взаимосвязи с различными сторонами человеческого бытия. Именно в связи с этим обнаруживается необходимость не только определить основания и структуру внутреннего равновесия личности, но и выявить сущность эмоционально-оценочных отношений, лежащих в основе равновесия личности, а также механизмы их воздействия на регуляцию поведения.

Переживание благополучия является важнейшей составной частью доминирующего настроения личности, поскольку субъективное благополучие, как интегративное, особо значимое переживание, оказывает постоянное влияние на различные параметры психического состояния человека и, как следствие, на успешность поведения, продуктивность деятельности, эффективность меж-

личностного взаимодействия. Эти переживания выступают значимым фактором состояния общественного сознания, групповых настроений, ожиданий, отношений в обществе. Без их учета невозможно строить научно обоснованную социальную политику, социальное управление, социальное планирование.

Л. С. Выготский полагал, что «поведение человека как продукт... системы социальных связей и отношений, коллективных форм поведения и социального сотрудничества» не только закреплено и опосредствовано в языке, но и регулируется им [2, 55–56]. На основании сказанного представляется необходимым рассмотреть ценностное содержание значений и смыслов основных понятий, отражающих субъективное либо объективное представление носителей языка о благополучии человека.

На сегодняшний день в науке используется несколько терминов, которые в той или иной степени отражают состояние индивида как «благополучие». Это понятия «субъективное благополучие» и «удовлетворенность жизнью», к ним следует добавить также «психологическое благополучие» — термин, К. Рифф, включающий такие элементы, как «принятие себя» (позитивная оценка себя, своей жизни), «личностный рост», «цель в жизни», «позитивные отношения с другими», «контроль над окружающей средой» (способность эффективно управлять своей жизнью и окружающей средой) и «автономия». Несмотря на то что данная модель значительно шире гедонистической, она не раскрывает сущности самой категории «благополучие», не объясняет истинного смысла, вкладываемого в это понятие.

В западной психологии понятие «благополучие» определяется как «well-being» (дословный перевод: «хорошо» и «бытие») и подразумевает широкую, но достаточно динамичную для индивида систему социальных связей, предполагающую наполненные позитивными переживаниями межличностные отношения.

Отметим, что в романских языках «благополучие» также характеризуется через слова, обозначающие «хорошо» — «bien(e), bon(o), bene» (например, в испанском — «bienestar», эсперанто — «bonfarto», французском — «bien-etre», итальянском — «benessere»). В русском языке понятие «благополучие» определяется как «спокойное и счастливое состояние», а счастье — как «чувство и состояние полного высшего удовлетворения» [6]. «Субъективное» раскрывается как принадлежащее человеку как субъекту; не соответствующее объекту познания [10]. Таким образом, исходя из семантического анализа субъективным благополучием можно считать определяемое человеком как субъектом состояние удовлетворения, основанное на достижении необходимых благ, не всегда совпадающее с объективными условиями.

В словарной структуре русского языка существует достаточно большое количество слов, начинающихся с корня «благо-», кроме того, большинство словарей использует слово «благополучие» при объяснении значения слова «счастье» либо в качестве одного из его синонимов. Вероятно, небольшое психосемантическое исследование слова «благо» и его производного «благополучие» позволит нам определить ценностно-смысловое содержание основных

понятий, описывающих состояние субъективного благополучия личности. Русское «благо» восходит к церковнославянизму «блаж-», вытеснившей существовавшую в древнерусском форму «болог» (добро, благо), базировавшуюся на идее счастья как состояния духа, в то время как «благ- / блаж-» подразумевало материальное счастье, выгоду, прибыль, пользу и т. п. В ряде славянских языков (например, болгарском — «благосъстояние», сербском — «благостање», чешском — «blahobytu», хорватском — «blagostanje») сохраняется древняя семантика праславянского «материальные блага», или «земные блага». В этом же значении выступает другое слово — «добро» (имущество, вещи), также присутствующее в понятии «благополучие» в других славянских языках (например, белорусском — «дабрабыт», польском — «dobre samopoczucie»), что согласуется с принятым в западноевропейской терминологии «well-being». Данные наблюдения показывают, что традиционно представление о благополучии у большинства народов складывалось на основе оценки состояния духа народа (в очень глубокой традиции) либо, в более позднее время, связывалось с наличием материальных ценностей. Обобщенно, вероятно, следует предположить, что такой кардинальный разброс координат благополучия связан исключительно с существующей и одобренной в социуме системой ценностей, выраженной в той или иной лексической единице, а в более поздние периоды — переосмысленной и дополненной содержательно (в том числе смысловыми, мотивационными, установочными детерминантами). Уже в праславянском периоде «благо» входит в семантику «счастья» через довольно длинную цепочку понятий, вследствие чего материальное благо преобразуется в некоторой степени в духовную ценность: «богатство» — «имущество» — «добрая (хорошая) вещь» — «добро» — «счастье» [9]. В более поздний — старославянский — период в текстах религиозного содержания основа «благ-» в большей степени приобретает духовную окраску и входит в структуру слов, описывающих духовные ценности в жизни человека, соотносимые с древнерусским «блаженный» (счастливый, достойный прославления, почитания, святой). По мнению лингвистов, изменение вектора с материальных на духовные ценности в значении слова «благо» свидетельствует о том, что духовный мир человека, с приходом христианства на Русь и все славянское пространство, стал вызывать пристальный интерес социума, что является неким знаком культурного перерождения и формирования определенного типа культуры. Не случайно в русском языке появляются слова такого рода, как «благоденствие», «благосостояние», что соответствует старорусскому «благоденно» и выстраивается в цепочку значений «счастье, довольство, достаток, мир, покой и т. п.». Основа «благ-» входит в такие лексемы, как «благоприятный», т. е. «удачливый», «выгодный», правда, в значении, приближенном к корысти, но именно такая семантическая близость позволяет выявить семантическую близость к «счастью», «благоприятному случаю». В любом случае слова «благополучие», «дабрабыт», «dobre samopoczucie», «bienestar» и другие указывают на то, что человек не просто испытывает некое состояние, описывая его подобными вербальными единицами, но и отражает свое положение в контексте культуры и социально одобряемой системы ценностей (причем в качестве такого

значимого одобряющего социума может выступать, например, социальная микрогруппа, наиболее приближенная к индивиду и, соответственно, имеющая преимущества перед социальной макрогруппой в части воздействия на формирование и функционирование личности за счет более частотных контактов). Именно поэтому личность, оценивая собственную жизнь (актуальное или потенциальное состояние), может базироваться на разных критериальных подходах, которые, в свою очередь, будут укладываться в различные системы измерения: во-первых, признанные на определенном историческом промежутке времени для данной культуры; во-вторых, сложившиеся в субъективной системе, основанной на субъективной иерархии жизненных ценностей и субъективных представлений о благополучии.

В философии и этике «благо» — это все то, что содержит положительный смысл и представляет ценность для человека, добро; это могут быть явление или предмет, которые отвечают целям, интересам человека, его устремлениям и обеспечивают удовлетворение определенной человеческой потребности. Традиционно блага делят на естественные, являющиеся следствием природных процессов, такие как, например, полезные ископаемые, здоровье и т. п., и общественные — результат человеческой деятельности. Независимо от природы происхождения благо входит в структуру социального определения предмета, составляет полезность для человека. Кроме того, существует условное деление благ на духовные и материальные, что связано с видом удовлетворяемых потребностей.

Наблюдение за функционированием в языке и метаморфозами понятий «благополучие», содержащих основу «благо-», «блаж-» позволяет отметить прямую связь с такими представлениями о состоянии благополучия, которые могут быть выражены словами «добро» (или синонимом «хорошо»), «счастье», «мир», «удача», «везение». При этом, скажем, «удача» объясняется как «счастливый, желательный исход, счастливое стечение обстоятельств». Переживание своего актуального состояния человек может описывать словами «судьба», «случай», «божий промысел», с помощью нейтральных лексических единиц, а также содержащих как отрицательные, так и положительные эмотивные векторы: «стечение обстоятельств», «происшествие», «несчастье», «посчастливилось», «приключилось», «выпало на долю», «удача пала», «счастье пало» и т. д.

Изучение понятия «благополучие» дает основание расставить акценты не только на субъективной оценке индивидом себя и своей жизни, но и на аспектах позитивного функционирования личности. Личность, осознавая свое актуальное или потенциальное состояние, выводит своеобразное субъективное представление об уровне своего социального, а следовательно — психологического, благополучия, способна влиять на этот уровень, поддерживая его, выбирая здоровьесберегающие, самосохраняющие способы существования в социуме и окружающей среде, способствующие ее физическому, психическому здоровью, снижая степень отрицательных переживаний, возникающих вследствие преодоления объективных трудностей либо оцениваемых в качестве таковых сопутствующих жизни человека событий. Как правило, субъективные

оценки выражаются лексемами, содержащими оценочные характеристики различных степеней соответствия переживаемого состояния субъективным представлениям о желаемых состояниях. Актуальное состояние благополучия в оценке каждого индивида будет отличаться уровнем его оценки, в том числе на уровень оценки может повлиять прошлый опыт, мнение значимого окружения, социальные установки, навязываемая окружением и культивируемая социумом система ценностей, ценностные иерархии, воздействующие на сознательные и бессознательные ресурсные установки. Как показал проведенный выше психосемантический анализ концепта «благополучие», в качестве критериев субъективного благополучия могут выступать и собственно «благополучие», а также «счастье», «удача», «радость» и т. п. При этом «счастье», с точки зрения внутренней формы слова, должно выражать наивысшую степень переживаемого благополучия в субъективной личностной оценке (ср.: «благополучие»: 1. Спокойное — без неудач и потрясений — течение дел, жизни // Материальная обеспеченность, достаток // Счастье в любви, в семейной жизни; 2. *разг.* Обычное — без отклонений от нормы, нежелательных явлений — состояние кого-либо; «счастье»: 1. Состояние абсолютной удовлетворенности жизнью, чувство наивысшего удовольствия, радости; 2. Успех, удача // Счастливый случай, счастливое стечение обстоятельств) [7]. Следует обратить внимание, что во всех случаях толкования понятий отсутствует указание на приложение собственных сил к достижению потенциального состояния, все термины характеризуются через нечто «прибывшее, притекшее» извне. Этимологический анализ понятия «счастье» дает возможность в определенной мере приблизиться к установлению его смыслового пространства как философского понятия: корень — «част-», однокоренные ему слова «участь», «участник», «причастность», «причастие», приставка «с-» в русском языке обозначает соединение с чем-либо, совместное бытие, со-причастие чему-то. Таким образом, понятие «счастье» в данном контексте можно понимать как соединение с некоей частью — а именно со своей долей, т. е. постижение собственной судьбы, собственного места и назначения. В предлагаемом понимании «счастье» становится возможным, когда в жизни человека наличествуют смысл, цель, предназначение, возникает осмысленность [9].

Известно, что в представлениях о себе и своем благополучии человек придает особое значение идее собственного величия, неоспоримого права изменять окружающий мир и самого себя, в связи с чем степень оценки собственного благополучия может выражаться в субъективных, лично воспринимаемых оценках в превосходной степени, а состояние актуального благополучия может быть определено на основании такого восприятия собственного состояния, как «счастье».

Человек всегда пытался объяснить, что такое счастье, представления о нем берут свое начало в философии и религии. В античной философии бытовало два основных представления: гедонистическое (идущее от Аристиппа из Кирены) и эвдемонистическое (термин «эвдемония» введен Аристотелем). Эвдемонистическое счастье связано с внешним фактором, внешней оценкой со стороны, т. е. данное направление можно назвать объективным. Объективность

данного направления подтверждается этимологией слова «*eudaimonia*» («судьба человека под покровительством богов»).

Гедонистические идеи в более позднее время развивались бихевиоризмом, психоанализом и позднее легли в основу названия отдельного направления современной психологии — гедонистического.

Эвдемонистические идеи отражаются во многих современных теориях личности, принадлежащих гуманистической, экзистенциальной и позитивной психологии. Так, они представлены в концепции К. Роджерса о «полностью функционирующей личности», в теории Э. Эриксона о «личностной идентичности» (*personal identity*); у А. Уотермана эти идеи представлены как «личностная выраженность» (*personalexpressiveness*); Э. Динер, С. Рифф, Б. Сингер и другие развивают идеи эвдемонизма в психологической теории «субъективного благополучия», М. Селигман — в концепции «аутентичного счастья». Объективности ради стоит заметить, что наиболее детально проблема счастья проработана в зарубежной психологии. Следует признать, что «счастье» — это междисциплинарное явление, это подтверждает обширная философская, литературоведческая, культурологическая, социологическая, богословская библиография. Однако примерно до 1960-х гг. научная психология практически не занималась изучением данного феномена.

На основании сказанного следует провести философско-психологический анализ подходов к оценке такой специфической особенности мировоззрения человека, как личностное представление о счастье в качестве меры субъективного благополучия. Именно на основе трактовки данного понятия еще с древнейших времен человек не только отбирал критерии предпочитаемого образа жизни, но и формулировал основные этические принципы и социальные идеи. Близкие к понятию «счастье» слова «благоприятная судьба», «везение», возникшие в древней этике и трактовавшиеся как «добрая судьба», в древнегреческих мифах и философских трактатах обозначались как «эвдемония». Этот термин получил развитие в сочинениях Аристотеля и обозначал «обладание высшими благами». Для передачи наивысшей степени переживания счастья использовалось понятие «блаженство» как удовольствие в наивысшей степени, причем удовольствие означало исключительно внутренние положительные переживания, для обозначения положительных условий жизни применялось понятие «удача». Впервые о роли личности в осознании меры счастья, удачной жизни заговорил Демокрит, подчеркивая, что человек и его воображение являются внутренними условиями самоудовлетворенности. В отличие от Демокрита Платон, Сократ и их последователи считали самоудовлетворенность лишь следствием счастливой жизни, состоящей в обладании высшими благами.

Благодаря Аристотелю понимание «счастья» приобрело сложную систему условий, включающих желание, волю, воспитание и образование, и, что особенно важно, деятельностьную окраску, лежащую в основе фелицитарного блага, когда счастье возможно только в результате деятельности души — «в полноте добродетели», доставляющей человеку наслаждение и моральное удовлетворение. Отсюда Аристотель выводит детерминированность цели и деятельности на том основании, что высшее благо, будучи счастьем, и есть

цель, а совершенная цель заключена в деятельности; в итоге, по его мнению, добродетельный человек может обладать высшим благом. Данная теория перекликается с представлениями о добродетели основоположника кинической школы Антисфена, который в качестве условий добродетели называл желание и волю человека, включенные Аристотелем в систему детерминант.

Таким образом, по мере осмысления действительности и отражения ее в мировоззренческих концепциях представление человечества о счастье как форме благополучия претерпело развитие от дофилософского понятия «благоприятная судьба» через мифологическое «блаженство» к философскому «удовлетворение жизнью», правда, в двух системах координат: одна рассматривает его как внутреннее состояние (Демокрит), другая — как обладание высшими благами (эвдемония). Исходя из сказанного, мы приходим к необходимости рассмотрения эвдемонического и деонтологического понимания вопроса об источнике счастья относительно его субъекта — внешнего или внутреннего. По мнению Аристиппа из Кирены, как и всех последователей гедонистического направления, в качестве высшего блага и цели жизни предстают личные удовольствия, разнообразные чувственные наслаждения, различающиеся своей интенсивностью. Далее содержание понятия в концепте «добродетель» развивал Эпикур, который, а вслед за ним и его последователи, считал счастье важнейшей нравственной целью, склонностью следовать в поступках нормам морали для спокойной совести, кроме того, в структуру добродетели он включает познание как способ освобождения от невежества, суеверия и разум как условие достижения счастья на основе соизмерения своих действий. Позднее Сенека выделил в качестве источника счастья и основной добродетели способность человека следовать моральным принципам и противостоять злу. Краткий анализ дает основание заключить, что эвдемонические теории признают как внутренние, так и внешние источники счастья, а высшее благо в них может иметь и моральную, и натуралистическую природу. Деонтологические теории признавали счастье производным от добродетели, а источник счастья на этом основании являлся внутренним.

Кроме двух основных подходов к пониманию счастья, каждый философ античности, так или иначе, касался понятия счастья. В I в. до н. э. римский философ Варрон выявил 289 точек зрения на счастье, и в каждом новом определении вычленялась какая-либо одна точная идея, без которой счастье действительно неосуществимо.

Понятие счастья, употреблявшееся в философии с IV в. до н. э. вплоть до XVII в., сегодня не используется. Начало нашей эры отмечено возникновением новых взглядов на понимание и постижение счастья. Так, Евангелие подразумевает, что счастье — это, прежде всего, смирение с тем, что дано человеку — и физически, и метафизически. Основной аргумент для такого понимания счастья в христианской мысли содержится в тексте первой из девяти заповедей блаженств — «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», где традиционно добродетель смирения выдвигается на первое место среди всех прочих христианских добродетелей. Лишь жертвенная любовь дает людям возможность стать счастливыми. Христианская философия по мере раз-

вития все в большей степени сближала понятие «счастье» с добродетельной жизнью, сочетанной с верой в Бога и любовью. Последние мотивы были специфическими в христианской философии счастья. Труды Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. В. Лейбница подвели черту пониманию счастья как совершенства, обладания высшими благами. Средневековая христианская философия, считавшая чувственные побуждения греховными, сменилась в эпоху Возрождения культом естественного и чувственного. В этот период гедонистические теории переживали ренессанс благодаря материалистическим теориям потребностей П. А. Гольбаха, К. А. Гельвеция, Бернара Ле Бовье де Фонтенеля и др., объяснявших причины несчастья человека его ложными представлениями и неспособностью пользоваться тем, что человеку дано. Поэтому П. А. Гольбах, выводя основную формулу счастья, назвал полезность людям добродетелью, которая делает человека счастливым. Этот же принцип пользы обнаруживается в качестве базового в теории счастья этики утилитаризма XIX в. Например, Дж. С. Милль также считал, что человек должен содействовать счастью других, но в его учении появляется индивидуально-ситуативная окраска анализируемого состояния личности. В отличие от П. А. Гольбаха и Дж. С. Милля, И. Бентам — основоположник утилитаризма в английской философии понимал под пользой частные интересы человека, влияющие на моральную оценку действий и отношений между людьми. И. Бентам, считая, что «полезный» предмет приносит выгоду, счастье, удовольствие, относит к удовольствиям ряд показателей, часть которых может быть измерена объективными методами, другая же часть явно носит субъективную оценку. Так, И. Бентам называет в одном ряду здоровье, умение, дружбу, доброе имя, власть, благочестие, доброжелательность, память, воображение, общение, утешение, при этом содержание этих понятий соответствует ценностным ориентирам эпохи индивидуальной конкуренции, основной принцип которой требует при совершении действия или поступка исходить из расчета «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов». В более поздних подходах к пониманию благополучного, счастливого существования человека начинает проявляться роль государства. Человек рассматривается с точки зрения собственных способностей творить ценности, и сам начинает выступать как высшее благо. В связи с этим благо приобретает не только общечеловеческий, но и классовый характер. Данная характеристика возникает в марксистском учении, уделяющем серьезное значение вопросам нравственной жизни человека. По мнению марксистов, средства достижения счастья состоят в том, «чтобы выступать регулятивной идеей морального сознания, помогающей человеку в процессе поиска ценностных ориентиров и моральных маяков своей жизни» [5], мораль не отождествляется со счастьем; при этом марксизм, утверждая таким образом детерминированность счастья и добродетели, сходен с эвдемонизмом. XIX в. ознаменовался появлением утопических идей о всеобщем благе и счастье. Так, К. А. Сен-Симон считал, что для воплощения этих идей необходимо вмешательство государства.

Для достижения трансцендентного счастья — вечной блаженной жизни и земного счастья по учению Православной церкви необходимо участие

человека в таинстве святого причастия (одном из семи таинств), где и совершается физическое и метафизическое единение Бога и человека. Термин «святое причастие» указывает на то, что именно участие в этом таинстве присоединяет человека к Божественной благодати, которая дает человеку жизнестойкость [1]. Отсюда можно сделать вывод, что в православии человеческое счастье невозможно без причастия.

В русской философской мысли идея взаимосвязанности благополучия личности и роли государства начинает развиваться еще в XVII в. Так, В. Н. Татищев в сочинении «Разговор о пользе наук и училищ» утверждает, что «желание к благополучию в человеке, бесспорно, от Бога вкоренено есть», что «естественный закон» человеческой природы такой же «божественный закон», как записанный в Священном Писании. С петровских реформ усиливается интерес русских писателей к человеческой личности, которая воспринимается как активная личность, ценная и сама по себе, и еще больше — за «услуги отечеству». Я. П. Козельский в «Философских предложениях» подчеркивает, что политика должна не только укреплять благополучие общества, но и содействовать развитию добродетели и благопристойности, гармонизировать натуру человека, которая по своей природе «шероховата, следовательно, и не выполирована».

Во второй половине XVIII в. российские просветители защищали идеал свободной творческой личности, способной не только познавать законы природы и своего бытия, но и прилагать их на благо человека и человеческого общества. В XIX — начале XX в. российская религиозная философия развернула интенсивную критику идеи счастья как главного основания и объяснительного принципа жизни человека. В. Розанов, Н. Бердяев, А. Введенский и другие философы противопоставляли принципу стремления к счастью принцип стремления к смыслу как к чему-то ценному. Несмотря на то, что счастье, как и прежде, рассматривалось в качестве субъективного переживания, тем не менее оно оценивалось уже не как замкнутое в себе, а интенциональное переживание, порождаемое открытием и реализацией смысла посредством действий в мире.

Вслед за Б. Паскалем и Ф. М. Достоевским русский религиозный мыслитель Вл. Соловьев выражает свое отношение к благополучию личности как полноте бытия, свободе личности через противоположную оценку (от противного), считая истоком всякого неблагополучия личности в первую очередь метафизическое несоответствие духа и плоти человека: «Человеческое я, безусловное в возможности, ничтожно в действительности. ...освобождение от этого рабства может состоять только в достижении того безусловного содержания, той полноты бытия, которая утверждается бесконечным стремлением человеческого я. ...человек есть вместе и божество и ничтожество» [8, 137]. В. Соловьев утверждал, что понятие счастья, как и понятия пользы и наслаждения, не имеет нравственной природы и не может служить основой этики. Принцип стремления к счастью бессодержателен: из него выводятся абсолютно противоречащие друг другу учения, счастье эквивалентно остановке всех стремлений и неведению добра и зла. По этой же причине идея счастья не

может служить объяснением человеческой жизни, а мысль человека об устройении своем на земле по принципу счастья является ложной [4].

Социально-философский анализ понятия «благополучие» показывает, что оно начинает свой путь задолго до нашей эры. При этом в начале своего пути оно существует как «счастье», называемое благоприятной судьбой, везением. На протяжении длительного периода античности и Средних веков его расценивали как способность, возможность человека обладать наивысшими достоинствами и благами. Новое время наполнило его более натуралистическими оттенками, и исследуемое понятие свелось к понятию «удовольствие». Развитие рационализма дало толчок новому — более широкому — толкованию содержания понятия: от понимания его в качестве совершенного состояния человека, согласующего свое поведение с моральными нормами и голосом разума, до (снова) удовольствия, но с учетом моральных благ как условия, увеличивающего величину удовольствия.

В многовековой истории можно выделить дихотомическое («объективное — субъективное») понимание счастья. Объективное понимание счастья свойственно эпохе античности. Позднее, в раннехристианских учениях, постепенно формируется субъективное понимание счастья, которое подразумевает, что ощущение счастья не зависит от внешних факторов. В такой двойственной природе феномена счастья заключается его двоякая обусловленность — объективная, связанная с условиями и обстоятельствами жизни человека, и субъективная, связанная с внутренним миром человека и обуславливающая его восприятие жизни, отношение к ней. Эта дихотомия переходит из философии в психологию, где также имеются объективный и субъективный подходы к психологии счастья, и в последние десятилетия психология пытается выработать способ разрешения данного противостояния, подходя к счастью как интенциональному переживанию, понимая счастье как объективное благо и как субъективное переживание.

В аксиологии «благо» обозначает факт удовлетворения исконных потребностей, исторически исходный и подтвержденный житейским опытом. Для сравнения: «счастье» в аксиологическом понимании представляется как ценность, мера добра в жизни человека, идеал совершенства [3, 61]. По мере развития родового строя благо воспринимается человеческим сознанием как бессознательно переживаемая и интуитивно удовлетворяемая функция. Цивилизационное развитие человечества сталкивается с необходимостью осознать благо как изначальное, единственное всеобщее основание, сохраняющее актуальность и возможность неоднородности социальных и личностных интересов, изменчивость ментальности, обеспеченную множественностью социокультурных ориентаций индивидов.

Понятие «благополучие» изучалось в психологии, как и в большинстве гуманитарных наук, в контексте анализа таких концептов, как «счастье», «удовлетворенность жизнью» (Life Satisfaction), «качество жизни» (Quality of Life), «субъективное благополучие» (Subjective Well-Being).

Сегодня в мировой психологической науке намечились два стержневых подхода к пониманию природы благополучия: гедонистический и эвдемонистический.

Данные определения возникли благодаря основным концепциям счастья, появившимся еще в эпоху античной философии. В психологии они получили развитие на основе классификации теорий благополучия Р. Райана и Э. Дисси, разделивших все разработанные к этому времени подходы по осмыслению понятия «благополучия» на гедонистическое и эвдемонистическое течения. До сих пор не сложилось единого мнения относительно соотносительности понятий субъективного благополучия и психологического благополучия. Так, К. Рифф, Э. Динер, С. Ю. Семенов считают, что субъективное благополучие является составляющей психологического благополучия, Н. К. Бахарева, Л. В. Куликов, М. В. Соколова, Р. М. Шамионов, Г. Л. Пучкова и другие полагают, что, наоборот, психологическое благополучие часть субъективного. Встречается трактовка этих понятий как синонимичных (Н. Брэдбурн, Е. Н. Панина, Е. Е. Бочарова и др.). Не прекращаются споры о тождественности терминов субъективного и психологического благополучия; субъективного благополучия и удовлетворенности жизнью; субъективного благополучия и счастья.

В настоящее время активно изучается связь психологического благополучия с различными особенностями личности (смысложизненными ориентациями, суверенностью психологического пространства, стратегиями жизни и т. д.) и ее социальными характеристиками; разрабатывается валидный и надежный инструментарий для измерения психологического благополучия, происходит уточнение и операционализация самого понятия; исследуется также влияние разнообразных объективных и субъективных факторов на психологическое благополучие личности (М. Аргайл, Н. Брэдбурн, Э. Динер, К. Рифф, М. Селлигман, Р. Эммонс, Н. К. Бахарева, М. В. Бучацкая, А. В. Воронина, А. Е. Созонтов, П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленкова и др.).

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : синод. изд. М., 2004.
2. *Выготский Л. С.* Собр. соч. М., 1984. Т. 6.
3. *Дубко Е. Л., Титов В. А.* Идеал, справедливость, счастье. М., 1989.
4. История философии. Запад – Россия – Восток : в 4 ч. М., 1996. Ч. 2.
5. *Нешев К.* Этика счастья. М., 1982.
6. *Ожегов С. И., Шведова Н. Н.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
7. Словарь Ефремовой : толковый словарь русского языка онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/efr.html> [дата обращения: 10.07.2013].
8. *Соловьев Вл. С.* Чтения о богочеловечестве. М., 2011.
9. *Урбанович Г. И.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля «Судьба, счастье, удача» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
10. Энциклопедический словарь в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2005.

Статья поступила в редакцию 09.12.2013 г.